

Мария Гаврилова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Москва, Россия

Кандидат филологических наук

Центр типологии и семиотики фольклора; Лаборатория теоретической

фольклористики, Институт общественных наук

ORCID: 0000-0003-0846-3408

Память о Холокосте и этническая идентичность в семьях советских евреев

Аннотация. Статья посвящена семейной памяти советских евреев о Холокосте и тому, как эта память связана с этнической идентичностью. На материале более чем 200 интервью, собранных в рамках проекта «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы» исследуются дискурсивные стратегии, типичные сюжеты, речевые клише, к которым прибегают информанты в разговорах на эту тему. Анализ материала показывает, что эти сюжеты и клише у представителей разных послевоенных поколений отличаются. В статье прослеживается динамика таких трансформаций. Готовность передавать память о Холокосте положительно коррелирует с готовностью поддерживать этнические традиции. Если старшие поколения отказываются от того и другого, то отказ мотивируется сначала страхом, затем стыдом/неловкостью за свое еврейство, а также нежеланием ретравматизировать себя и пугать детей. Если семейная и культурная память все же передается, то чаще в этом процессе участвуют те, кто не был свидетелем войны, а рассказы о родственниках, пострадавших в Холокосте, содержат умолчания. В результате потомки жертв заполняют лакуны в семейной истории культурной памятью в разных вариантах – от нарратива о «мирных советских гражданах» до элементов западной мемориальной культуры. Наши собеседники в большей степени ассоциируют Холокост с концлагерями на территории Европы, чем с проводившимися на территории СССР массовыми расстрелами, в которых погибли их родственники.

Ключевые слова: Холокост, этническая идентичность, устная историческая память, евреи, поздний СССР, Великая Отечественная война, мемориальная культура.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.01

Для цитирования: Гаврилова М. В. Память о Холокосте и этническая идентичность в семьях советских евреев // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 11–12 (2024). С. 9–36.

Статья поступила: 25.09.2024. *Принята к публикации:* 13.10.2024.

Введение

Статья написана по материалам исследовательского проекта «Еврейские мемориативные практики и современный культ Победы», работа над которым проходила в 2020–2024 гг. при поддержке Еврейского музея и центра толерантности. Проект был посвящен устной памяти – как семейной, так и локальной – о гибели евреев от рук нацистов на территории бывшего СССР во время Великой Отечественной войны. Наша команда побывала в экспедициях на бывших оккупированных территориях (Брянская, Ростовская, Смоленская, Псковская области, Ставропольский, Краснодарский край, Кабардино-Балкария, Калмыкия), а также в нескольких городах, которые в оккупации не были (Махачкала, Дербент, Омск, Екатеринбург). Одновременно с этим мы интервьюировали людей, живущих в разных городах России и зарубежья.

Сбором интервью с выжившими в Катастрофе и свидетелями этих событий занимались исследователи целого ряда организаций: это Мемориальный комплекс истории Холокоста «Яд ва-Шем», Мемориальный музей Холокоста США, фонд «Шоа», созданный Стивеном Спилбергом при Университете Южной Калифорнии, организация «Яхад-ин Унум». Их многочисленные материалы – важный источник сведений по истории Холокоста. Специфика нашего проекта состояла в другом. Будучи социальными антропологами и фольклористами, мы не пытались выяснять у наших информантов, «как все было на самом деле», тем более что со времен Великой Отечественной войны прошло восемь десятилетий, и большинства ее участников и свидетелей к настоящему времени уже нет в живых. Нас интересовало то, как в советском и постсоветском обществе жила и живет память о войне и Холокосте: в каких нарративных формах и мемориативных практиках она находила и находит оформление, как на нее влияла советская и постсоветская мемориальная политика.

В ходе работы над проектом мы опрашивали людей разных поколений, как евреев, так и неевреев. В общей сложности нам удалось записать интервью с более чем 600 информантами, при этом треть составили люди с еврейской идентичностью (более 200 человек). Мы не сосредоточивались исключительно на теме Холокоста, а расспрашивали наших собеседников о семейной памяти о войне, эвакуации и воевавших родственниках. Помимо прочего нас интересовало, когда, в какой форме и

в каких обстоятельствах люди узнавали о судьбе, спасении или гибели евреев во время войны. Мы не брали биографические интервью и не ставили перед собой задачу изучить семейные и личные истории наших информантов в свете травматичной памяти. Мы задавали им вопросы о рассказах, которые они слышали от старших родственников, и о практиках семейной и общественной коммеморации (включая шествия «Бесмертного полка») жертв Холокоста, а также членов семьи – участников Великой Отечественной войны.

Биографические нарративы в наших разговорах возникали спонтанно, и в такие моменты мы просто не прерывали наших собеседников. Связанность двух тем – этнической идентичности и памяти о Холокосте – в речи наших информантов мы заметили вполне случайно: в ответ на вопрос о погибших родственниках нам часто приходилось слушать рассуждения о том, что вообще значит быть евреем:

[Соб.: Рассказывали ли Вам о родственниках, погибших в Бабьем Яре?] Вы знаете, насчет евреев... Мне бабушка даже не говорила, что она еврейка. <...> ...вообще никакого не было еврейского воспитания (К. М., ж. 1952 г. р., Ростов-на-Дону).

Родители моего отца и старший брат – они в Минском гетто погибли. <...> Это тема не была табуированной, наоборот, подробно это всё рассказывалось и обсуждалось. Как она может быть табуированной, когда это всё называлось «инвалид 5-й группы»? (Л. В., м. 1956 г. р., Ростов-на-Дону (живет в Израиле)).

Эта реакция и натолкнула нас на идею описать, как собеседники-евреи, отвечая на наши вопросы, связывают семейную память о Холокосте со своей этнической идентичностью и каковы способы речевой репрезентации этой связи.

Теме этнической идентичности советских евреев посвящено множество исследований. Эта тема рассматривается на самом разном материале (опросы, архивные источники, мемуары, художественные тексты) и в разных аспектах. Так, исследователи выясняли, какую роль в формировании еврейской идентичности сыграли бытовая и государственный антисемитизм, Шестидневная война, движение за эмиграцию в Израиль, интерес к религии и традициям и др.

Одним из факторов формирования этнической идентичности являются знания о Холокосте. Источниками таких знаний могут быть, с одной стороны, литература, кино, медиа и коммеморативная культура, а с другой – семейная память о погибших родственниках. В этой статье мне хотелось бы сосредоточиться на связи семейной памяти о Катастрофе с этнической идентичностью советских евреев. При этом речь пойдет не столько о событиях жизни наших информантов, сколько об их репре-

зентации в речи – об их дискурсивных стратегиях и повторяющихся в разных интервью нарративах и риторических клише.

Исследования человеческой памяти показывают, что она не запечатлевает прошлое подобно киноплёнке. Как правило, мы имеем дело не с памятью как таковой, а с сюжетными повествованиями на ее основе. Циркулируя в течение нескольких поколений, такие истории могут постепенно принимать форму нарративов, бытующих по правилам фольклорных произведений. Рассказы о прошлом звучат в разговорах, передаются из уст в уста и благодаря этому становятся содержанием коллективной памяти о том или ином событии, об эпохе или жизненном опыте. Под влиянием социально-политических процессов способы говорения и сюжеты нарративов могут меняться. Для разных послевоенных советских поколений характерны свои сюжеты, связанные с этими темами. Особенности этих нарративов, динамику и причины этих изменений мне и хотелось бы обсудить.

Послевоенные поколения

Наших собеседников можно условно разделить на четыре поколения. Разумеется, между теми, кто родился чуть раньше или чуть позже, нельзя провести строгую границу. Послевоенные поколения плавно «перетекают» друг в друга. Люди, которых по годам рождения можно было бы отнести к младшим поколениям, нередко транслируют нарративы, характерные для предыдущих поколений. Обратное, впрочем, наблюдается гораздо реже. Тем не менее в рассуждениях людей, рожденных в пределах того или иного послевоенного десятилетия, звучат очень похожие, а порой и одинаковые сюжеты и речевые клише, которые отличаются от тех, что можно услышать от представителей предыдущих и последующих поколений. Рассматриваемые нарративы в речи наших информантов повторяются почти дословно, вне зависимости от места жительства и обстоятельств биографии рассказчиков.

Кратко перечислю поколения, о которых идет речь:

Поколение 1 (35 интервью): это люди, которые родились в 1940–1950 гг., в 1947–1957 гг. они достигли сознательного (школьного) возраста, а повзрослели (закончили школу) в 1958–1967 гг.

Поколение 2 (40 интервью): родились в 1951–1960 гг., достигли сознательного возраста в 1958–1967 гг. и повзрослели в 1968–1977 гг.

Поколение 3 (38 интервью): родились в 1961–1970 гг., пошли в школу в 1968–1977 гг. и закончили ее в 1978–1987 гг.

Поколение 4 (24 интервью): родились в 1971–1980 гг., были в сознательном возрасте в 1978–1987 гг. и повзрослели в 1988–1997 гг.

Таким образом, эта статья построена на анализе 137 интервью – другие наши собеседники росли в предыдущие или последующие десятилетия. Нашу выборку нельзя считать достаточно репрезентативной, чтобы на ее основе можно было делать выводы обо всех или о большинстве советских еврейских семей. Мы искали информантов по принципу «снежного кома», не учитывая соотношение гендерных, социальных и территориальных групп. Возможно, что на содержание собранных нами интервью влияет тот факт, что большинство наших собеседников на момент записи жили на территории России. Тем не менее для решения поставленной задачи – исследования устойчивых и типичных для наших информантов нарративов об идентичности и Холокосте – такой объем и характер материала представляются достаточным.

Основное внимание в этой статье будет уделено нарративам о детских и юношеских годах наших собеседников – тому, обсуждали ли старшие члены их семей с ними тему гибели родственников в Холокосте: если да, каким образом они это делали, а если нет, то по каким причинам. Я опишу, в каком возрасте, при каких обстоятельствах и из каких источников наши информанты, по их рассказам, узнавали о Катастрофе, и как этот фактор соотносился с другими факторами формирования этнической идентичности – языком, религией, традициями, государственным и бытовым антисемитизмом.

Поколение 1

По словам наших собеседников из этого поколения, старшие родственники избегали обсуждать с ними тему Холокоста, а если и рассказывали детям об убитых родственниках, то «шепотом»: «Я помню, мы когда проезжали мимо Змиевской балки, то мне бабушка шепотом говорила, что тут ее сестра, погибшая в Змиевской. Боялись, боялись! Наша семья боялась до смерти» (Д. Ю., м. 1949 г. р., Ростов-на-Дону, живет в Израиле).

Ситуация с обсуждением своего еврейства описывается в очень похожих формулировках. Чаще всего в рассказах наших информантов из поколения 1 звучали нарративы об антисемитизме и «негативной идентификации»: «...семья была еврейской номинально. Не будь антисемитов, и не вспоминали бы, что [мы] евреи» (В. Б., м. 1952 г. р., Ростов-на-Дону). Наши собеседники рассказывали о страхе репрессий и насилия: «... очень сильно боялись. Страх – это было естественное состояние, потому что могли донести» (Ф. Е., м. 1944 г. р., Ставрополь). Это неудивительно, учитывая, что детство и отрочество наших собеседников пришлось на «черные годы» советского еврейства. С этим связано клише «старшие избегали произносить слово “евреи”»: «Наши родители языку нас не учили, привыкли вообще молчать. Когда слово “еврей” [кто-то] говорил или “Израиль”, вообще говорили: “Соседи услышат”» (Ф. Е., м. 1944 г. р., Ставрополь).

Информант из более позднего поколения рассказывал о своей родственнице из поколения 1 следующее: «Так получилось, что слово “еврей” я впервые услышал в перестройку. До этого я если его и слышал, то несильно понимал, что это такое. <...> У одной из них [сестер матери] даже слово “еврей” не произносилось – “он принадлежал к великой нации” или какие-то такие эвфемизмы» (Н. Ю., м. 1978 г. р., Москва).

Аналогично наши информанты описывали ситуацию с традициями и языком. Представители поколения 1 часто рассказывали нам, что их старшие родственники говорили на идише между собой, но не с детьми: «Дедушка с бабушкой разговаривали же на идише – ну хоть бы одно слово какое научили бы!» (Б. Е., м. 1950 г. р., Смоленск). Самый распространенный мотив – использование старшими идиша для того, чтобы младшие их не понимали:

На идиш – хочу сказать, когда я была маленькая, то говорила мама с бабушкой. Папа понимал тоже. <...> Потом они прекратили. А я, когда стала немецкий что-то там понимать, – в общем, они не это самое... [Соб.: То есть они не хотели, чтобы вы понимали?] Что-то такое, да. Так вот не говорили на идиш (К. А., ж. 1947 г. р., Ростов-на-Дону).

Другой популярный мотив – ссоры взрослых между собой на идише, из-за чего информант, наблюдавший это ребенком, знает на этом языке только ругательства (как правило, этот мотив звучал в рассказах мужчин, в то время как предыдущий чаще встречается в интервью с женщинами). По словам наших собеседников, старшие в их семьях, следуя обычаям сами, редко передавали их детям и внукам. Например, нам рассказывали, что бабушки и дедушки тайно посещали синагогу или религиозные собрания, постились, отмечали праздники, но детей к этому не привлекали. Формулировки, используемые информантами в рассказах об обсуждении в семье войны и Холокоста, языка, культурных традиций и этнической идентичности, во многом совпадают: «старались поменьше об этом говорить», обсуждали «шепотом».

От многих информантов мы слышали, что они узнавали о погибших родственниках, уже будучи взрослыми, то есть после окончания сталинских антисемитских кампаний, причем часто источниками сведений выступали не родители, а другие родственники: «У меня там [в Петрушиной Балке] тетка похоронена. Не похоронена, а закопана. Расстреляна и закопана. <...> [Соб.: Когда вы узнали об этом?] Когда мне Милочка рассказала, сестра двоюродная... ну, мне было где-то уже 35 лет, когда я узнала» (К. С., ж. 1940 г. р., Таганрог).

Р. А., у которого в селе Зиньков Хмельницкой области (Украина) были расстреляны вместе с семьями дед, братья и сестры матери, узнал об этом уже после смерти матери от своей двоюродной сестры. Оба они в этот

момент жили в Израиле: «Знаете, в те времена как-то старались особо не вспоминать и не рассказывать» (Р. А., м. 1946 г. р., с. Солдато-Александровское, Ставропольский край).

Замалчивание темы Холокоста в семье иногда приводило к тому, что люди всю жизнь оставались в неведении по поводу судьбы родственников, в том числе близких, либо им были известны об этом какие-то разрозненные и смутные факты, а подробностями они не интересовались: «Дедушка не воевал, он старый был. [Соб.: Как ему удалось пережить войну, оккупацию?] Вот этого мы... [не знали.] Мы же повзрослели, когда уже никого не осталось» (К. Т., ж. 1951 г. р., Моздок).

Родственники нашей собеседницы С. И. (ж. 1941 г. р., Омск) погибли в Запорожье, но большинство родных ничего ей об этом не рассказывали. Она не знает, какие именно родственники погибли. Ее дядя по матери каким-то образом сумел уцелеть, но ей опять-таки не известно, как. Наша собеседница даже не уверена, были ли ее родственники расстреляны или угнаны на работу в Германию. Ситуация с языком и традициями в семье была похожей: родители матери С. И. был религиозными и, пока они были живы, в доме пекли мацу и отмечали праздники, а после их смерти все сошло на нет – знания о Холокосте и традициях ушли вместе со смертью их носителей.

Некоторые наши информанты сообщали, что о родственниках, убитых во время оккупации, им в семье рассказывали, но из разговора с нами эту тему старались вытеснить. Так, Л. В. (ж. 1940 г. р., Кисловодск) отрицала замалчивание этой темы в своей семье, однако говорила она с нами об этом очень неохотно, а в ответ на прямые вопросы переводила разговор на другие темы – например о своей успешной учебе в школе и хороших отношениях с одноклассниками и учителями. Похожим образом многие представители поколения 1 уводили разговор в сторону при попытках обсудить проявления антисемитизма во времена их детства или рассказывали нам о подобных случаях с фатализмом, преуменьшая или даже отрицая антисемитизм, несмотря на то, что сами рассказывали именно о нем. Это отличает их от представителей более поздних поколений:

...антисемитизм – он был, но не все понимали, что такое антисемитизм. А то, что писалось «жид» там на заборах, на стенах, и могли тебя и в школе как... <...> Откровенно говорю, многие воспринимали это как чисто ребяческие такие... А вот такой обозленности – я бы не сказал. Потому что мог обозвать тебя «жидовской мордой» какой-то парнишка покрепче, а через полчаса куском хлеба он поделится (Г. Г., м. 1941 г. р., Краснодар).

...что мы евреи – вообще я не знала. <...> И вдруг я девочкой я узнаю, что мы евреи, и что как-то к нам... Причем откуда я узнала? Меня никто никогда

не называл, никто меня не обзывал... [Соб.: А как Вы узнали?] Вот этого я не помню. <...> Узнав это, я спросила: «Мама, а почему к нам так относятся?» <...> Мама сказала: «Завидуют» (К. А., ж. 1947 г. р., Ростов-на-Дону).

Таким образом, память о Холокосте, как и антисемитизм, для представителей поколения 1 – часть негативной идентификации, которую они предпочитают не обсуждать.

В большинстве случаев представители поколения 1 не видели или не знали о том, участвовали ли старшие в коммеморативных практиках на местах гибели родных. Исключение составил только К. В. (м. 1940 г. р., Ростов-на-Дону), который с детства слышал рассказы о гибели своих родственников от матери и ее сестер и даже выражал удивление тем, что во многих семьях эта тема была табуирована. Он рассказывал о посещении Бабьего Яра в Киеве и противодействии со стороны властей:

Там приходили [к Бабьему Яру], но это было не массово, это какая-то были... группа от синагог или от активистов. Их вызывали и говорили, что «не рекомендуем, воля ваша, но вы пострадаете – вот у вас дети, там». Вы не жили в то время, не знаете – одного вызовут компетентные органы и скажут: «Не ходите». Но они все равно приходили, им говорили: «Что вы тут нарушаете, мешаете проезду вот этой телеги». <...> Туда просто приезжали – наряд выстроили (К. В., м. 1940 г. р., Ростов-на-Дону).

Характерно, что этот наш собеседник с детства был знаком и с еврейскими культурными традициями.

Таким образом, в семьях наших информантов 1940–1950-х годов рождения память о погибших родственниках чаще всего не передавалась младшим поколениям, так же как их не приобщали к традициям и не учили языку. То и другое было связано с этнической идентичностью, поддерживать которую в первое послевоенное десятилетие было опасно. Иначе поступали в очень немногих семьях, где не только говорили на идише, следовали традициям, отмечали еврейские праздники, водили младших в синагогу, но и не замалчивали гибель родственников в Холокосте.

Поколение 2

Что касается памяти о Холокосте, часть представителей поколения 2 транслировала в разговорах с нами те же нарративы, что и люди из предыдущего поколения. Во многих семьях обе эти темы оставались табуированными, несмотря на некоторое смягчение государственной политики в отношении евреев и возможности публичного обсуждения темы Холокоста после смерти Иосифа Сталина в 1953 году и до активизации антиссионистской пропаганды в 1967 году. Так, по словам М. Е. (ж.

1951 г. р., Новозыбков), она узнала о гибели своих родственников (убитых совсем недалеко от ее дома) лишь во время учебы в институте. Н. В. (м. 1959 г. р., Ростов-на-Дону) только в университете узнал о своих еврейских корнях; а о массовых расстрелах и о том, что в одном из них была убита его прабабушка, ему стало известно лишь после знакомства с одним из создателей мемориала в Змиевской балке Рубеном Мурадяном. Л. М., чьи родственники погибли там же, узнал об этом факте только при разборе домашнего архива:

[Отец] умер, когда мне было 13 лет, поэтому то, что я почерпнул, – это я почерпнул из тех документов, которые нашел, – допустим, автобиография отца... Он писал, заполнял автобиографию – я не знаю, для каких целей. <...> ...дошли руки до архива, тогда, собственно, поднял эти документы, увидел старые фотографии... <...> Письма отцу – писали соболезнования как раз по этому поводу (Л. М., м. 1955 г. р., Ростов-на-Дону).

Однако другие наши информанты из поколения 2 уже в детские годы узнавали о Холокосте, причем не только в семье, но и из внешних источников – например из детских книг и фильма «Обыкновенный фашизм»: «[Соб.: Когда вы узнали про Холокост?] Очень рано. <...> Я не помню, когда “Обыкновенный фашизм” мы с мамой посмотрели. Причем мы ходили смотреть этот фильм во двор – приезжал кинотеатр тогда выездной. То есть это была какая-то начальная школа» (П. Е., ж. 1958 г. р., Ставрополь).

К. М. даже утверждала, что о Холокосте она знала «со школьной скамьи»: «[Соб.: Вам в семье рассказали?] Да и в школе. Почему нет?» (К. М., ж. 1952 г. р., Ростов-на-Дону). Представители поколения 2 также говорили о посещении старшими родственниками мест массовых расстрелов: «Мама ездила в Киев, в Бабий Яр, да. <...> ...она говорила, что жена [дяди] Миши погибла с ребенком в Бабьем Яру – вот так» (В. Л., ж. 1954 г. р., Краснодар). Ср. также: «...отец-то ходил сам раньше, без нас, без детей туда... <...> Ну где-то, наверное, лет 15 мне было, тогда отец стал водить нас на кладбище. <...> Он рассказывал, фотографии показывал, все это рассказывал, как это все произошло, как ему рассказывали» (З. А., ж. 1951 г. р., Ставрополь).

Взрослым, однако, было непросто примирить желание почтить память погибших родственников и страх. В нескольких интервью нам описывали ситуацию, когда старшие приводили детей на места расстрелов, но ничего им не объясняли. Например, отец М. Л. (ж. 1952 г. р., Невель) дважды в год ездил косить траву возле памятного знака, брал в эти поездки свою дочь, но не говорил, почему они туда ездят и кто там похоронен. Только в начале 1990-х гг. наша собеседница узнала, что там погибла тетя ее отца со своими детьми. По словам М. Е. (ж. 1951 г. р., Новозыбков), ее семья часто ходила к памятнику на месте гибели родственников «от-

дохнуть, прогуляться», и старшие также ничего не объясняли ей. Таким же образом С. В. в детстве ездила в Саласпилс с дядей: «Я помню, что мы ходили всё время с камушками... <...> Я тогда вообще не поняла, о чем речь и что, как» (С. В., ж. 1951 г. р., Ростов-на-Дону).

О языке и традициях большинство представителей поколения 2 транслировало такие же нарративы, что их предшественники (подробно на них здесь я останавливаться не буду). В то же время от некоторых мы слышали рассказы о приучении детей к традициям шаббата и религиозных праздников, посещении вместе с детьми религиозных собраний – правда, зачастую без объяснений, как и в случае с посещением мест расстрелов.

Как и предшественники, собеседники из поколения 2 много говорили о негативной идентификации. Однако они связывали ее уже не столько со страхом, сколько со стыдом. В интервью с представителями поколения 2 эта тема раскрывается в ряде нарративов о графе «национальность» в школьном журнале:

...у нас 42 человека было в классе: «русский-русский-русский...» – потом бац! – графически что-то другое. И все это увидели. <...> И я помню, что я зашел в класс, а все столпились у стола и на меня – раз! – смотрят с любопытством. И ко мне подошел мой одноклассник и говорит: «Лива, – меня так называли, – я прочел, что ты еврей, но имей в виду, я с тобой буду дружить, даже если ты очкарик» (Л. В., м. 1956 г. р., Ростов-на-Дону, живет в Израиле).

У нас в классе изначально училось 40 человек, трое евреев было: я, Инесик Манн и Наташа Тамарина, которая скрывала, что она еврейка. <...> Специфическая еврейская семья, но она [Наташа] говорила, что она русская, долго – не знаю, почему. <...> Она сейчас в Израиле, активный деятель сионизма. [Соб.: А про нее знали в классе?] Да все знали, ну, конечно. Все знали, потому что была замечательная вещь – журнал, где последняя страница... И когда этот журнал учительница забывала или специально оставляла, может быть, дети бежали в первую очередь смотрели, кто же у нас евреи (С. Л., м. 1963 г. р., Ростов-на-Дону).

В разговорах с поколением 1 такие нарративы не звучали. В отличие от тех, кто рос в предыдущее десятилетие, наши собеседники из поколения 2 не были склонны вытеснять из памяти случаи, когда, по выражению Б. Н. (ж. 1952 г. р., Новозыбков), в школьные годы их «жидили», и оправдывать тех, кто так поступал. Нам рассказывали о драках из-за обзывательств (В. Л., ж. 1954 г. р., Краснодар). В речи собеседников-мужчин из поколения 2 звучало речевое клише: «когда слышал “жид”, подходил и бил сразу», и, говоря о своем отношении к буллингу на национальной

почве, они противопоставляли себя тем, кто «ходили горбатенькими, жались к стеночке» (Л. Б., м. 1952 г. р., Сураж).

Таким образом, в семьях наших информантов 1950–1960-х годов рождения и негативная идентификация, и замалчивание семейной памяти о Катастрофе довольно противоречиво сочетались со стремлением передать ее детям. Проявления антисемитизма вызывали у представителей поколения 2 не только страх и стыд, но и протест. Молчаливое посещение старшими родственниками вместе с детьми мест расстрелов коррелирует с таким же молчаливым следованием ими религиозным традициям, характерным для этого периода. Такое неоднозначное отношение к памяти, традициям и идентичности в советских еврейских семьях, несомненно, связано с резкими переменами в государственной политике: от «черных лет» советского еврейства к относительной оттепельной лояльности, а от нее – к государственному антисюицизму, вызванному Шестидневной войной.

Поколение 3

Это поколение росло в период государственной антисюицистской кампании, развернувшейся после 1967 г., что повлияло на готовность обсуждать в семье при детях опасные темы (этнические традиции, Холокост). Поскольку дедушки, бабушки представителей поколения 3 (а иногда и родители тоже) принимали участие в войне, побывали в эвакуации или чудом избежали гибели во время оккупации, а после войны пережили «черные годы» советского еврейства, об этих событиях они отказывались говорить или рассказывали очень неохотно. Например, Р. Р. столкнулась с панической реакцией матери, когда обнаружила поддельный паспорт, благодаря которому бабушке и матери удалось спастись:

Это паспорт моей мамы – фальшивый паспорт. <...> ...перебирая документы, я увидела фотографию своей бабушки. <...> ...написано по паспорту «русская». У мамы сумасшедшие глаза, и она кричит: «Убери! Выкинь!» У нее страх был безумный. <...> По этому паспорту моя мама... они бежали в Краснодарский край (Р. Р., ж. 1964 г. р., Ростов-на-Дону).

Однако, в отличие от тех, кто родился в предыдущие десятилетия, представители поколения 3 рассказывали нам, что сами стремились узнать о травматичных страницах семейной истории, хотя далеко не всегда им это удавалось. У Р. М. только часть родственников в 1941 г. успела выехать из Смоленска, но, зная об этом факте, она так и не смогла выяснить у старших подробности: «...мамина двоюродная сестра <...> ...она в принципе это все помнила, ей на тот момент уже было 16 лет. Я как-то попыталась с ней на эту тему поговорить, но она говорит: “...я не могу на эту тему говорить, мне очень больно”» (Р. М., ж. 1961 г. р., Смоленск).

Нежелание взрослых рассказывать о войне и Холокосте представители поколения 3 мотивировали не только их собственной травмой, но и стремлением «не пугать детей» – что не было характерно для информантов из предыдущих поколений:

У меня дед... не хотел вспоминать, не хотел как-то теребить вот эти вот... травму. <...> Ну, может быть, не хотели травмировать детскую психику, я не знаю. Ведь еврейские мамочки и папочки – они ж как, они пытаются охранить своих детишек. <...> Они, такие: вот, не надо, Саша, знать о плохом, пускай знает о хорошем, идет мультики смотреть (Г. А., м. 1969 г. р., Самара).

Они оба, и бабушка, и дедушка, как-то вот предпочитали о неприятных вещах не рассказывать. [Соб.: Потому что самим было тяжело, или чтобы уберечь психику детей?] Я думаю, что и то, и другое (З. А., ж. 1963 г. р., Санкт-Петербург).

В отношении поколения 3 справедливо все то, что Марианна Хирш писала о поколении «постпамяти» [Хирш 2021]. В период их взросления с окончания войны прошло 25–30 лет. Те, кто погиб в Холокосте, приходились им в основном довольно дальними родственниками (прадедами, прабабушками, двоюродными дедами и бабушками), к тому же часто оказывалось, что и жили они сравнительно далеко. С такими родственниками у этих наших информантов, в отличие от представителей двух предыдущих поколений, уже не могло быть непосредственной эмоциональной связи. Согласно Яну Ассману, 25–30 лет – это примерно тот срок, когда «коммуникативная» память о событии начинает постепенно сменяться «культурной» памятью [Ассман 2005: 236–241]. Неудивительно, что наши собеседники из поколения 3 гораздо чаще, чем их предшественники, рассказывали нам, что впервые узнали о Холокосте из книг:

...я читала Корчака, и мне рассказывали про Корчака, и дальше оттуда всё раскрутилось. Можно было про Бухенвальдский набат. Нельзя было про Бабий Яр. <...> ...я читала «Бабий Яр» – ну, Евтушенко (З. А., ж. 1963 г. р., Санкт-Петербург).

Про Бабий Яр я читала сама, он же печатался, Кузнецов – «Бабий Яр» повесть называется. Короче, он в «Юности», в журнале, печатался – я, естественно, это читала. Еще там была какая-то книжка... но там опять Польша была, не Россия – «Ромео и Джульетта и тьма» (М. М., ж. 1965 г. р., Омск).

В качестве источников информации нам чаще всего называли произведения Леона Фейхтвангера, «Бабий Яр» Анатолия Кузнецова (1966) и

«Тяжелый песок» Анатолия Рыбакова (1978). Одна из наших собеседниц узнала о Холокосте благодаря книге, посвященной другому событию:

Книга у нас была – «Хатынь». <...> Я как раз прочитала эту книгу, я тогда к бабушке пристала, когда она приехала к нам в гости. <...> Она мне сказала, что «вот я тебе расскажу, но только немножко»... <...> [Соб.: Что она рассказала?] Что убивали детей, взрослых – не имело значения, кого. Она не рассказывала подробности, как это происходило, она просто рассказала то, что убивали, и всё (У. М., ж. 1964 г.р., Краснодар).

Наши собеседники также говорили, что о массовых убийствах им рассказывали в школе – правда, речь шла главным образом о концлагерях на территории Европы:

Мы знали, что евреев уничтожали в концлагерях – мы знали про Дахау, мы знали про концлагеря. <...> Мы меньше знали про расстрелы... не в концлагерях, мы просто считали, что всех забирали в концлагеря, и всех там уничтожали (О. Ю., ж. 1964 г. р., Санкт-Петербург).

Да я всегда знала [о Холокосте], просто это слово не знала. [Соб.: Откуда?] А в школе мы учили. А вы не учили в школе про концлагеря и всё остальное? Что уничтожали евреев и т. д.? <...> [Соб.: И вам говорили, что это были еврей?] Конечно! Учили мы это в школе, сто процентов! Потому что про все эти Бухенвальды, Освенцимы всю жизнь рассказывали, о том, сколько сожгли евреев в печах и т. д. (М. М., ж. 1965 г. р., Омск).

Представители поколения З росли в 1970-е годы, в период расцвета государственного культа Великой Отечественной войны [Копосов 2011: 98]. От наших собеседников мы слышали о том, как они, будучи школьниками, посещали мемориалы на местах расстрелов в рамках мероприятий по патриотическому воспитанию. При этом им не сообщали, что именно там произошло:

...когда я в первый раз там побывал [в Карховском лесу]. <...> Говорю, как есть: «жиды» выцарапано было на памятнике. <...> ...проявив вот этот акт антисемитизма, сами людям напомнили, о чем этот памятник. <...> Мы просто приходили, как к месту... [Соб.: А что вам говорили?] Пришли, постояли: «Вот здесь, детки, были расстреляны люди». <...> Я пришел домой, и мне потом родители это все рассказали – дедушка (Р. Г., м. 1968 г. р., Новозыбков).

Неосведомленность даже могла приводить к случаям, которые наши информанты описывали как курьезные:

Сам этот мемориал [в Змиевской балке], когда его воздвигнули – это было в 1970-е годы – у нас школа... от школы мы гоняли туда. <...> ... вообще непонятно – нас туда возят: «Погибли люди...» Ну, они везде здесь гибли. Совершенно не трогало, вот честно признаюсь. <...> Привезли непонятно куда, зачем, почему. В общем, постояли... <...> Меня две вещи там... я вот сейчас просто помню. Первое – мы увидели деньги. Люди монетки кидали. То есть вот этот вот вечный огонь, а там рядом был какой-то бассейн..., и он был весь усыпан монетами. А второе – там был рядом автомат с газированной водой, в который можно было стукнуть кулаком, как выяснилось в результате, и оттуда лилась газированная вода бесплатная. <...> И вот мы с товарищами двумя решили: давайте туда поедem и все деньги заберем. Потому что, по нашим подсчетам, там рублей 20 лежало мелочи (С. Л., м. 1963 г. р., Ростов-на-Дону).

Среди наших собеседников были и те, чьи семьи посещали места массовых захоронений не 9 мая, а в день гибели родственников. Например, в семье Р. М. рассказывали о гибели родственников в Орше, и старалась ездить туда в день расстрела: «Мы каждый год туда ездим. Раньше, когда бабушка была жива, мы старались именно в этот день. <...> Бабушки не стало, и тогда мы с мамой... я туда стала приходить» (Р. М., ж. 1961 г. р., Смоленск). Другая наша собеседница, У. О. (ж. 1962 г. р., Ростов-на-Дону), приходила на мемориал в Змиевской балке вместе с матерью и ее подругой (родители подруги здесь и погибли, ее саму спасла соседка). Однако таких случаев в наших материалах немного – так, У. О. упомянула, что они были чуть ли не единственными в Ростове-на-Дону евреями, кто посещал это место.

Как и предыдущие поколения, многие представители поколения 3 говорили о негативной идентификации, используя слово «неловкость». Они тоже транслировали нарративы о школьном журнале, но смысл этих рассказов изменился – акцент сместился от стыда к гордости в связи с этнической идентичностью:

...учительница <...> ...по алфавиту поднимала учеников, и нужно было называть свою национальность. <...> И вот эта девочка, Аня Долицкая, встала пунцово-красная, чуть ли не шепотом выдавила из себя «еврейка» – и зарыдала. <...> И на меня это произвело такое неприятное впечатление, вот эти ее слезы, что я так, гордо выпятив грудь, сказал громким голосом: «Еврей!» (В. Б., м. 1952 г. р., Ростов-на-Дону).

Учительница нашего информанта Я. М., заполняя журнал, спрашивала детей об их национальности. Когда Я. М. сказал, что он еврей, учительница удивленно посмотрела на него и спросила: «Что, так и записывать?». «Мне было лет 8–9, мне самому... я удивился очень, потому что у нас в семье никогда... Ну, да, так и писать», – рассказал нам Я. М.

(м. 1970 г. р., Ростов-на-Дону). Наши собеседники – в первую очередь, мужчины – связывали эту гордость с новостями о Шестидневной войне (1967):

Поначалу не чувствовал [себя евреем] совершенно – такой советский пионер: «ура! да здравствует!» и все такое. <...> А потом война 1967 года и дикое вранье официальное наше, которое мы могли компенсировать, слушая по приемнику все эти «Голос Америки», «Радио Свободу» и «Би-би-си», и «Дойче велле» и т. д. [Соб.: Вы болели за Израиль?] Ну, еще бы! И вот это для меня был просто переломный момент (В. Б., м. 1952 г. р., Ростов-на-Дону).

Поддержание этнической идентичности и памяти о Холокосте часть информантов описывала как форму диссидентства. Однако другая часть представителей поколения 3 продолжала испытывать чувство стыда, и это касалось в том числе и обсуждения темы Холокоста. Например, Г. А. (м. 1969 г. р., Самара), отвечая на наш вопрос о том, рассказывали ли ему родные о расстрелянных предках, ответил: «Вы знаете, вообще когда еврейская тема, она... ее стеснялись, ее... не то что стеснялись... <...> ... старались не выпячивать».

Из-за этого чувства неловкости часть наших информантов не воспринимала как проблему то, что на памятниках на месте гибели их родственников было написано «мирные советские граждане». Например, мужчина примерно 1960-х годов рождения (не назвал свое имя), которого мы встретили на мемориале в Змиевской балке, сказал: «...они реально были советскими гражданами. <...> ...меня немного коробит кичение принадлежностью к какой-то нации, это не твоя заслуга. <...> Я как бы... я чистокровный еврей, но я не кичусь этим и не люблю, когда начинается... Воспитаны в другой культуре, на самом деле...». У этого нашего собеседника в Змиевской балке погибла бабушка. Он посещал мемориал на 9 Мая и не хотел приходить туда в день расстрела вместе с еврейской общиной. В разговоре с нами он назвал открытое выражение этнической идентичности «кичением» и «фарисейством». Другая наша собеседница У. М. описала это ощущение выражением «еврей – неприличное слово», но в ее случае это, наоборот, стимулировало интерес: «Я интересовалась евреями, потому что было непонятно, почему “еврей” такое неприличное слово, почему тут куча есть людей, а к евреям особое отношение – хотелось в этом разобраться» (У. М., ж. 1964 г. р., Краснодар). Стремление «разобраться», как мы видели выше, упоминалось и в связи с темой Холокоста.

В высказываниях представителей поколения 3 мы видим развитие тех тем, которые встречали в интервью с людьми, взросление которых пришлось на предыдущее десятилетие. С одной стороны, собеседники рассказывали, как государственный антисюнизм и пережитая трав-

ма приводили к склонности старших родственников – свидетелей войны – замалчивать тему Холокоста. Однако это мотивировалось уже не страхом, а нежеланием травмировать себя и детей и одновременно «неловкостью» за свое еврейство. Однако память (а точнее – знание о Катастрофе) в семьях все же транслировалась, причем инициатива часто исходила не от старших родственников, а от их детей и внуков. Поколение 3 – это поколение «постпамяти», и в период, когда оно взрослело, коммуникативная память все в большей степени трансформировалась в культурную. Триггером интереса к Холокосту и семейных разговоров на эту тему в рассматриваемое десятилетие оказывались не столько воспоминания свидетелей, многие из которых все еще были живы, сколько книги, школьные уроки, на которых детям рассказывают о концлагерях, а также школьные коммеморативные мероприятия у мемориалов. Холокост в этот период был частично включен в советский мемориальный канон – в виде рассказов о расстрелянных «мирных советских гражданах» и концлагерях на территории Европы, – однако акценты при этом расставлялись выгодным для государства образом. Вкупе с «неловкостью» за еврейство это приводило к тому, что наши информанты из поколения 3 достаточно легко принимали «официальные» способы трактовки Катастрофы и даже стыдились других способов объяснять ее.

Поколение 4

Как и у предыдущего поколения, дедушки и бабушки многих наших информантов 1970-х годов рождения были фронтовиками или детьми войны, пережившими также травму «черных лет» советского еврейства. Они продолжали отказываться обсуждать дома тему Холокоста:

Увидела фотографию в альбоме дедушки. Это был 1988-й. Я тогда еще только начала узнавать о своей семье, о том, что такое Холокост. [Соб.: Он ничего не говорил?] Нет, абсолютно, никогда. Он просто сказал: «Это моя первая жена и дочка, они погибли». Конкретно где, и как, и почему... я понимала, что была война – значит, что-то произошло (П. О., ж. 1971 г. р., Невель).

Особенно негативно они воспринимали такие разговоры, если были хорошо интегрированы в советскую систему, – как и демонстрацию этнической идентичности:

...я от дедушки ничего не слышала. [Соб.: То есть родственников на оккупированных территориях не было?] Нет, об этом просто никто не говорил. <...> Дедушка был сталинист, об этом не принято было говорить в семье, получал награды от государства. <...> ...я дома нашла случайно, по-моему, свидетельство о браке бабушки с дедушкой, и там написано [было]: «Еврей». Я никогда... я знать не знала об этом. <...> У меня было такое удивление. Я прям помню,

бабушка мне сказала: «Т-с-с!» Потому что из других документов это было стерто (Н. Н., ж. 1980 г. р., Краснодар).

В отличие от них, родители представителей поколения 4 воспринимали свою этническую идентичность совсем иначе. Как мы помним, эта тенденция начала проявляться уже в предыдущем поколении. Родители детей из поколения 4 требовали от них, чтобы те открыто идентифицировали себя как евреи. Например, отец одного из наших собеседников настоял, чтобы сын при получении паспорта в графе «национальность» указал «еврей», хотя семья была смешанной:

...когда я получал паспорт в 16 лет, была еще 5-я графа, и я как полукровка имел право выбрать себе национальность. И отец сказал: «Я бы хотел, чтобы ты выбрал национальность “еврей”». Вот. И я ему не отказал, то есть пошел, меня спросили: «Какую вы выбираете национальность?» Я сказал: «Еврей». Милиционер на меня томно посмотрел исподлобья... <...> И у меня, значит, в паспорте было написано «еврей» (М. В., м. 1977 г. р., Москва).

О. М. (м. 1977 г. р., Москва) по настоянию родителей попросил обозначить в классном журнале свою национальность как «русский еврей».

По словам К. М., его отец – «...он такой был, немножко диссидент. Он приходил в компанию и говорил: “Здравствуйте, я – Ефим, и я – еврей”, – он так знакомился. Это оказывалось причиной разногласий в семье:

Мой дедушка Евсей Хоневич Косинский, будучи евреем в поколении каком, приходя в класс мой и рассказывая о войне, в жизни не употреблял никаких слов про концлагеря, где убивали евреев. [Соб.: Как ветеран?] Как ветеран, да. Это был дед по маме. И он с отцом всегда говорил: «Фима, зачем ты вдалбливаешь Марику, что он еврей?» Он был интернационалист (К. М., м. 1974 г. р., Ростов-на-Дону).

По словам представителей поколения 4, их родители рассказывали им о Холокосте в целях воспитания в них этнической идентичности. Смысл историй о школьном посещении мемориала, похожих на те, что мы слышали от представителей предыдущего поколения, трансформируется. Так, в рассказе упомянутого выше К. М. отец не заставляет сына самостоятельно гадать, что все это значит:

В пионеры нас принимали, когда мы поехали. <...> И я приехал, говорю папе: моих друзей принимали в «пионэры», у меня есть фотография, на Змиевской балке, все дела. А папа мне говорит: «Очень странное место, потому что там убивали евреев». Вот я тогда сразу понял, и папа мне всё рассказал. Это было в третьем классе, год 1983–1984-й (К. М., м. 1974 г. р., Ростов-на-Дону).

Если в семье не было памяти о Катастрофе (если никто из родственников не погиб или если старшие успешно скрыли эту информацию), родители могли в воспитательных целях давать детям читать книги о Холокосте:

[Соб.: Всплывала ли в разговорах с родными тема Холокоста?] Я тебе так скажу: в разговорах скорее нет, но в книгах, которые мне давали в детстве, – да. То есть там... ну, не знаю, Рыбакова я читал «Тяжелый песок», еще что-то. <...> То есть специально я не помню, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь рассказывал там, чтобы меня посадили и рассказали, как все было. Мне кажется, такого не было, я все как-то из книжек (М. В., м. 1977 г. р., Москва).

Родители могли даже не рассказывать о Холокосте специально, но требовать, чтобы дети об этом знали, и стыдить, если они не знали:

...у нас напротив был поворот, у нас там была дача, и мы как-то с папой ехали на дачу, и я говорю: «Слушай, а где Голубая Дача?» Он мне говорит: «Как тебе не стыдно? Там!» <...> [Соб.: Почему стыдно?] Что ты не знаешь. [Соб.: Откуда знать, если не рассказывали?] Ну, у меня папа был своеобразный человек... (П. О., ж. 1971 г. р., Невель).

Собеседники из поколения 4 транслировали гораздо меньше нарративов, характерных для предшественников, – о языке, религии, праздниках и т. д. Это, очевидно, было связано с тем, что бабушки и дедушки, которые могли все это передать (или сознательно отказаться от передачи), ко времени их взросления уже ушли из жизни. Во многих семьях тему еврейства обходили молчанием, поэтому информанты из поколения 4 зачастую не знали в детстве ни о родственниках, погибших в Холокосте, ни о своих еврейских корнях:

...в 1978 году родители купили квартиру в кооперативе, и мы переехали на Северный. И, к удивлению моему, когда я вышел во двор гулять, очень быстро как-то выяснилось, что я еврей, и меня стали звать «жидом». <...> И вот я пришел домой, и говорю: «Папа, как же так? Я же русский! Почему они меня зовут жидом?» А тема же не педалировалась в семье. А он говорит: «Сынок, за дело!» Ну, как бы да. Ну вот, это был первый раз, когда я понял, что я еврей (К. М., м. 1974 г. р., Ростов-на-Дону).

Л. Е. рассказал, что, только будучи взрослым, в 1990-е, осознал, что имеет еврейские корни: «...читал, слушал, осознавал, подтягивал свои воспоминания, и я их расшифровывал» (Л. Е., м. 1974 г. р., Москва). М. В., который увлекался графикой и в детстве коллекционировал карикатуры

об «израильской военщине», не понимал, что это может быть каким-то образом связано с его собственным этническим происхождением.

И как бы чего там, какая связь: евреи, жида, Израиль? Для меня все были какие-то абсолютно разные миры. И постепенно-постепенно просто я как бы: «О! А, это вот это, а это одно...». Мне кажется, я поздно это всё сообразил. То есть никто, опять же, не объяснял мне ничего. Когда стали все уезжать в Израиль, как-то, видимо, я стал связывать одно с другим (М. В., м. 1977 г. р., Москва).

Судя по высказываниям наших собеседников из поколения 4, узнавая о Холокосте, они далеко не всегда отчетливо понимали, о чем идет речь, и не всегда связывали это с собой – так же, как и в случае с еврейской идентичностью в целом. Такая ситуация – следствие умолчаний, возникавших даже при попытках обсуждения этих тем в семье. С одной стороны, родители хотели, чтобы дети знали о Холокосте и принимали свою этническую идентичность, но при этом они как будто рассчитывали на то, что дети все узнают и поймут без слов. Наши материалы показывают, что степень эмоциональной вовлеченности в тему Холокоста коррелирует с выраженностью этнической идентичности у того или иного нашего собеседника. Те, у кого она слабая, рассказывают о погибших родственниках безэмоционально: «Я знаю, что бабушкин прадед и его обе жены, первый и второй брак, они были из Винницы, и у них там была, ну большая родня такая вот. И, в общем, во время войны они все исчезли, никого не стало практически» (Л. Е., м. 1974 г. р., Москва).

Тех, у кого тема Катастрофы вызывала сильные эмоции, отличала сильно выраженная этническая идентичность, причем для части из них именно знания о Холокосте стали пробудившим идентичность триггером. От собеседников из разных поколений мы часто слышали, что они узнали о Холокосте лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием «еврейского ренессанса». Некоторые из них сопоставили скупые упоминания, услышанные от старших родственников, с информацией из внешних источников и были настолько сильно впечатлены, что в дальнейшем стали активистами памяти. Например, Н. Н. (ж. 1980 г. р., Краснодар) было известно лишь о факте гибели родственников в Киеве, но она не знала и по-прежнему не знает никаких подробностей. Однако сейчас она на общественных началах выступает в школах Краснодара с рассказами о Холокосте. Другая наша собеседница, П. О. (ж. 1971 г. р., Невель), пережила сильное эмоциональное потрясение во время экскурсии к памятному знаку на месте расстрела. Она соотнесла одно из написанных на памятнике имен с фотографией из домашнего архива, которую ее дед прокомментировал крайне скупо. На нее также повлиял визит пары иностранцев еврейского происхождения, которые приехали в ее

город собирать информацию о своих погибших родственниках. Сейчас наша собеседница активно вовлечена в педагогические инициативы, посвященные Холокосту, в собирании семейной истории и ее публичной репрезентации также участвует ее сын.

Таким образом, молчание бабушек и дедушек, которые были свидетелями войны, в семьях поколения 4 сочеталось с готовностью части родителей, не бывших очевидцами Катастрофы, рассказывать о ней. При этом родителям наших собеседников все же было непросто говорить на эту тему, и их сообщения содержали значительные пробелы. Отчасти так происходило из-за незнания, а отчасти из-за семейной привычки к умолчанию. Представители поколения 4 рассказывали нам о своем неполном понимании того, что включает в себя тема Холокоста, и как она с ними связана. Эта тема затрагивала наших собеседников из последнего советского поколения в разной степени. Наиболее ассимилированные из них относились к этой части семейной истории как к далекому прошлому, не имевшему к ним прямого отношения. Другие же воспринимали гибель родственников в Холокосте очень близко к сердцу, активно стремились восполнить пробелы в семейной истории, и эти сведения нередко оказывались очень существенным фактором формирования их этнической идентичности.

Заключение

Итак, какую роль, согласно нашим материалам, фактор памяти о Холокосте играл в формировании идентичности у советских евреев, по сравнению с другими факторами? Какие трансформации соотношение этих факторов претерпело в течение четырех послевоенных десятилетий? В какие нарративы это оформляли наши информанты?

Большинство представителей поколения 1 и отчасти 2 рассказывали о том, что старшие родственники избегали трансляции сведений как о семейной памяти, так и об этнических традициях (за исключением еврейской кухни). Причина отказа от культурной и семейной памяти в середине 1940-х – 1950-е гг. связывается в их речи со «страхом», и в обоих случаях ситуация описывается в одних и тех же формулировках. Младшие члены семьи, в свою очередь, редко интересовались и тем, и другим, поэтому культурная и семейная память уходила вместе со смертью ее носителей. Память о Холокосте, язык и этнические традиции воспринимаются нашими информантами как единое целое – как в случае передачи, так и при отказе от нее.

Для наших собеседников из поколений 1 и 2 самым значимым фактором для формирования этнической идентичности оказывался государственный и бытовой антисемитизм. При этом наши собеседники часто

не связывали в своем сознании антисемитизм с памятью о Холокосте и вытесняли из памяти и то, и другое.

В поколениях 3 и (отчасти) 2 трансляция этнических традиций также чаще всего не происходило. Однако процесс передачи семейной памяти о Холокосте в этот период (середина 1960-х – 1970-е гг.) все же начался, что было связано с ослаблением государственного давления. Сведения о Холокосте поступали как непосредственно от свидетелей войны, так и из внешней среды (из литературных произведений, фильма «Обыкновенный фашизм»). В этот же период, уже будучи достаточно взрослыми, о своих расстрелянных родственниках узнавали и представители поколения 1. Трагическая семейная память находила выражение в коммеморативных практиках, но их причины и содержание для наших собеседников из поколений 2 и 3 часто оставались непонятными, поскольку сами коммеморативные практики не комментировались. Если старшие родственники отказывались от передачи памяти о Холокосте, это мотивировалось уже не страхом, а нежеланием травмировать себя и детей. Фактор антисемитизма по-прежнему оставался наиболее значимым в формировании этнической идентичности, но представители поколений 2 и 3 обычно описывали свои возникающие в связи с этим чувства не как «страх», а как «стыд». Эти же чувства транслировались и в разговорах о Холокосте. В то же время антисемитские проявления в их адрес вызывали у наших собеседников из поколений 2 и 3 возмущение, они не пытались оправдывать обидчиков, а, наоборот, говорили о своей готовности противодействовать им. С этим коррелирует интерес поколения 3 к травматичной семейной памяти.

В период взросления представителей поколения 4 и (отчасти) 3 (середина 1970-х – 1980-е гг.) жизнь многих носителей этнических традиций и памяти о войне и Холокосте заканчивалась. Те, кто был жив, продолжали следовать выбранной ранее стратегии ассимиляции, поэтому они в равной степени негативно (со страхом или стыдом) воспринимали как национальные традиции, так и обсуждение травматичного семейного прошлого, и особенно характерно это для тех, кто преуспел в советской системе. В отличие от них, родители представителей поколения 3 и особенно 4 росли в период относительной легализации этой темы. Они, наоборот, стремились воспитывать в своих детях еврейскую идентичность, в том числе и через рассказы о Холокосте. Однако родители не были носителями семейной памяти о Катастрофе, и им все еще трудно было говорить об этом вслух. Знания поколений 3 и 4 о Катастрофе полны пробелов, эта тема ассоциировалась у них скорее с гетто и концлагерями на территории Европы, чем с расстрелами, в которых погибли их собственные родственники.

Мы видим, что отношение к семейной памяти о Холокосте определяется восприятием тем или иным нашим собеседником еврейской иден-

тичности в целом, и оно зависит от того, к какому поколению он принадлежит. Первые послевоенные поколения чаще испытывали по этому поводу страх или стыд, а последующие – скорее возмущение, готовность противостоять притеснениям и интерес с травматичному семейному прошлому. Одна часть представителей младших послевоенных советских поколений воспринимала тему Холокоста как далекое историческое прошлое, не имеющее к ним непосредственного отношения, у других же она, напротив, вызвала очень сильные эмоции, хотя ее содержанием обычно оказывалась не семейная, а культурная память.

Судя по нашим интервью, роль именно коммуникативной памяти о Холокосте в формировании этнической идентичности у советских евреев не была значительной, особенно по сравнению с таким фактором, как антисемитизм. Это связано с тем, что во всех послевоенных поколениях трансляция как этнических культурных традиций, так и сведений о погибших родственниках из-за того же антисемитизма блокировалась или сопровождалась умолчаниями. Большинство наших информантов из разных поколений признавались, что обрели настоящие знания о Холокосте лишь в 1990-е под влиянием международных еврейских организаций и западной мемориальной культуры. В сочетании с молчанием старших это привело к тому, что наши собеседники зачастую знают о судьбе своих родственников гораздо меньше, чем о европейских концлагерях.

Литература

- Альтман 2005 – Альтман И. А. Мемориализация Холокоста в России: история, современность, перспективы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
- Ассман 2004 – Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Веденяпина 2018 – Веденяпина Д. Еврейская община как ключевой фактор в построении идентичности российскими евреями поколения 20–40-летних // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3–4 (127). С. 123–139.
- Герасимова, Ключева 2020 – Герасимова В. А., Ключева В. П. Антисемитизм в позднем СССР в представлении сибирских евреев: предварительные наблюдения // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2020. № 65. С. 165–169.
- Гудков и др. 2018 – Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е. Антисемитизм в России: мнения еврейского населения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3–4 (127). С. 65–109.

- Гудков и др. 2016 – Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Лёзина Е.
Антисемитизм в структуре массовой ксенофобии в России: негативная идентичность и потенциал мобилизации // Вестник общественного мнения. 2016. № 1–2. С. 140–193.
- Гительман и др. 2000 – Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.
Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования // Диаспоры. Москва, 1997–1998. 2000. № 3. С. 52–86.
- Гительман и др. 2001a – Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.
Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования // Диаспоры. Москва, 1997–1998. 2001. № 1. С. 210–244.
- Гительман и др. 2001b – Гительман Ц., Червяков В., Шапиро В.
Национальное самосознание российских евреев. Материалы социологического исследования // Диаспоры. Москва, 1997–1998. 2001. № 2–3. С. 224–262.
- Дымшиц 2020 – Дымшиц В. «Меня никто ни о чем не спрашивал»: евреи советской провинции (по материалам полевых исследований 2005 – 2018 гг.) // Ежегодник ЕАЕК. Евреи Европы и Азии: состояние, наследие и перспективы / Сборник научных и публицистических статей, Том 2 (2019–2020/5780). Герцлия, Израиль: Евро-Азиатский Еврейский Конгресс, Институт евро-азиатских еврейских исследований, 2020. С. 303–331.
- Дымшиц, Львов, Соколова 2008 – Дымшиц В. А., Львов А. Л., Соколова А. В. Сост. Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.
- Закревская 2024 – Закревская Е. А. Устные рассказы о спасении евреев во время Холокоста: реальность, фольклор и медиазаимствования // Шаги / Steps. Т. 10. № 3. 2024. С. 14–35.
- Зеленина 2017 – Зеленина Г. С. «Гевалт, это же простые базарные люди!»: советские евреи на пути от местечковости к интеллигентности // Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения – XXII / Ред.-сост. М. С. Неклюдова, Е. П. Шумилова. М.: РГГУ. 2017. С. 322–356.
- Каспина 2018 – Каспина М. Народная религиозность советских ассимилированных евреев: свинина и хлеб вместо мацы // Евреи пограничья: Смоленщина. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. С. 209–220.
- Локшин 2014 – Локшин А. Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества // Помнить о прошлом ради будущего. Еврейская идентичность и коллективная память: Сборник статей / отв. ред. К.А. Карасова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ИВ РАН, 2014. С. 75–100.

- Носенко-Штейн 2014 – Носенко-Штейн Е. Э. Кому нужен пепел Клааса? Память о войне и Холокосте у российских евреев разных поколений // Помнить о прошлом ради будущего. Еврейская идентичность и коллективная память: Сборник статей / отв. ред. К.А. Карасова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: ИВ РАН, 2014. С. 133–159.
- Носенко-Штейн 2013 – Носенко-Штейн Е. «Передайте об этом детям вашим, а их дети — следующему роду». Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Смола 2021 – Смола К. Изобретая традицию: Современная русско-еврейская литература. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Ханин, Морозов 2008 – Ханин В. (З.), Морозов Б. Шестидневная война и становление еврейского национального движения в СССР: историко-социологические аспекты // Шестидневная война и еврейское движение в СССР / Под ред. Х. Бен-Якова, В. (З.) Ханина. М.: Сэфер, 2008. С. 19–42.
- Хирш 2012 – Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство, 2021.
- Эйстрах 2009 – Эстрайх Г. Разрешенная еврейская культура в послесталинскую «оттепель»: формирование модели // Идиш: язык и культура в Советском Союзе / Под ред. Л. Ф. Кациса, Д. Е. Фишмана. М.: РГГУ, 2009. С. 106–127.
- Blatz, Ross 2009 – Blatz C. W., Ross M. Historical memories // Memory in mind and culture / Ed. by P. Boyer, J. V. Wertsch. Cambridge et al.: Cambridge Univ. Press, 2009. P. 223–237.
- Gitelman 2009 – Gitelman, Z. (Ed.) Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.
- Gitelman 2012 – Gitelman, Z. The Evolution of Jewish Identities // Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 46-78. doi:10.1017/S009781139150989.003
- Rebrova 2020 – Rebrova I. Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus. Berlin; Boston; Wien: De Gruyter Oldenbourg, 2020.
- Remennick 2007 – Remennick L. Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration and Conflict. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2007.
- Veidlinger 2013 – Veidlinger J. In the Shadow of the Shtetl. Bloomington & Indianapolis, Ind.: Indiana University Press, 2013.
- Zeltser 2019 – Zeltser A. Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union. Jerusalem: Yad Vashem, 2019.

Holocaust Memory and Ethnic Identity in Soviet Jewish Families

Maria Gavrilova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Cand. Sci. (Philology)

ORCID: 0000-0003-0846-3408

Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies; Laboratory of Theoretical Folklore Studies, Institute of Social Sciences

Abstract. The article deals with the family memory of Soviet Jews about the Holocaust and that memory's connection with ethnic identity. Using more than 200 interviews collected during the work on the project "Jewish Commemorative Practices and the Modern Cult of Victory," the author examines the discursive strategies of respondents and typical plots and speech clichés they use. The analysis of the material shows that these plots and clichés differ among representatives of different post-war generations. The article traces the dynamics of these transformations. The willingness to pass on the memory of the Holocaust is correlated with willingness to maintain ethnic traditions. When older generations reject both, people explain their decision first by fear, then by shame/embarrassment for their Jewishness, as well as by reluctance to re-traumatize themselves and frighten children. If family and cultural memory is passed on, it is usually done by those who did not witness the war. In this case, much is left out in stories about relatives who suffered in the Holocaust. Descendants of Holocaust victims fill gaps in family history with cultural memory in different versions – from the narrative of "peaceful Soviet citizens" to Western memorial culture. As a result, our respondents associate the Holocaust to a greater extent with concentration camps in Europe than with mass shootings in USSR in which their relatives died.

Keywords: Holocaust, ethnic identity, oral history, Jews, late USSR, Great Patriotic War, memorial culture.

DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.01

To cite: Gavrilova M. V. Holocaust Memory and Ethnic Identity in Soviet Jewish Families. *Judaic-Slavic Journal*. 2024. № 11–12 (2024). С. 9–36.

Received: 25.09.2024. *Accepted:* 13.10.2024.

References

- Al'tman, I.A., 2005, Memorializatsiia Kholokosta v Rossii: istoriia, sovremennost', perspektivy [Holocaust Memorialization in Russia: History, Modernity, Prospects]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2–3 (40–41).
- Assmann, J., 1992, *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen* [Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination]. München, Verlag C. H. Beck, 344.
- Blatz, C. W., Ross, M., 2009, Historical memories. *Memory in mind and culture* / eds. P. Boyer and J. V. Wertsch, 223–237. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 323.
- Dymshits, V., 2020, “Menia nikto ni o chem ne sprashival”: evrei sovetskoi provintsii (po materialam polevykh issledovaniy 2005 – 2018 gg.) [“Nobody asked me anything”: Jews of the Soviet provinces (based on field research from 2005–2018)]. *Ezhegodnik EAEK. Evrei Evropy i Azii: sostoianie, nasledie i perspektivy* [EAJC Yearbook. Jews of Europe and Asia: Status, Heritage and Prospects], Vol. 2 (2019 – 2020/5780), 303–331. Gertsliia, Izrail', Evro-Aziatskiy Evreyskiy Kongress – Institut evro-aziatskikh evreiskikh issledovaniy.
- Dymshits, V.A., L'vov, A.L., Sokolova, A.V. (eds.), 2008, *Shtetl, XXI vek: Polevye issledovaniya* [Shtetl, 21st Century: Field Research]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 292.
- Estraikh, G., 2009, Razreshennaia evreiskaia kul'tura v poslestalinskuiu «ottepel'»: formirovanie modeli [Permitted Jewish Culture in the Post-Stalin Thaw: Formation of a Model]. *Idish: iazyk i kul'tura v Sovetskom Soiuzе* [Yiddish: Language and Culture in the Soviet Union], eds. L. F. Katsis, D. E. Fishman, 106–127. Moscow, Izdatel'stvo RGGU, OGI, 491.
- Gerasimova, V.A., Kliueva, V.P., 2020, Antisemitizm v pozdnem SSSR v predstavlenii sibirskikh evreev: predvaritel'nye nablyudeniya [Anti-Semitism in the Late USSR as Viewed by Siberian Jews: Preliminary Observations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiya*, 65, 165–169.
- Gitel'man, Ts., Cherviakov, V., Shapiro, V., 2000, Natsional'noe samosoznanie rossiyskikh evreev. Materialy sotsiologicheskogo issledovaniya [National Self-Consciousness of Russian Jews. Materials of Sociological Research]. *Diasporas. Moscow, 1997–1998*, 3, 52–86.
- Gitel'man, Ts., Cherviakov, V., Shapiro, V., 2000, Natsional'noe samosoznanie rossiyskikh evreev. Materialy sotsiologicheskogo issledovaniya [National Self-Consciousness of Russian Jews. Materials of Sociological Research]. *Diasporas. Moscow, 1997–1998*, 1, 210–244.
- Gitel'man, Ts., Cherviakov, V., Shapiro, V., 2000, *Natsional'noe samosoznanie rossiiskikh evreev. Materialy sotsiologicheskogo issledovaniia* [National Self-

- Consciousness of Russian Jews. Materials of Sociological Research]. *Diasporas*. Moscow, 1997–1998, 2–3, 224–262.
- Gitel'man, Ts. (ed.), 2009, *Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution*. New Brunswick, N.J., Rutgers University Press, 416.
- Gitel'man, Ts., 2012, The Evolution of Jewish Identities. *Jewish Identities in Postcommunist Russia and Ukraine: An Uncertain Ethnicity*, 46–78. Cambridge: Cambridge University Press, 372.
- Gudkov, L., Zorkaia, N., Kochergina, E., Lezina, E., 2018, Antisemitizm v Rossii: mneniya evreiskogo naseleniya [Anti-Semitism in Russia: Opinions of the Jewish Population]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 3–4 (127), 65–109.
- Gudkov, L., Zorkaia, N., Kochergina, E., Lezina, E., 2016, Antisemitizm v strukture massovoi ksenofobii v Rossii: negativnaya identichnost' i potentsial mobilizatsii [Anti-Semitism in the Structure of Mass Xenophobia in Russia: Negative Identity and the Potential for Mobilization]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 1–2, 140–193.
- Gudkov, L., Zorkaia, N., Kochergina, E., Lezina, E., 2018, E. Antisemitizm v Rossii: mneniya evreiskogo naseleniya [Anti-Semitism in Russia: Opinions of the Jewish Population]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 3–4 (127), 65–109.
- Hirsch, M., 2012, *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. Columbia, Columbia University Press, 320.
- Kaspina, M. 2018, Narodnaia religioznost' sovetskikh assimirovannykh evreev: svinina i khleb vmesto matsy [Popular Religiosity of Soviet Assimilated Jews: Pork and Bread Instead of Matzah]. *Evrei pogranich'ia: Smolenshchina* [Jews of Borderlands: Smolensk Region], 209–220. Moscow, The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”, The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 335.
- Khanin, V. (Z.), Morozov, B., 2008, Shestidnevnaia voina i stanovlenie evreiskogo natsional'nogo dvizheniya v SSSR: istoriko-sotsiologicheskie aspekty [The Six-Day War and the Formation of the Jewish National Movement in the USSR: Historical and Sociological Aspects]. *Shestidnevnaia voina i evreiskoe dvizhenie v SSSR* [The Six-Day War and the Jewish Movement in the USSR], eds. H. Ben-Yaakov and V. (Z.) Khanin, 19–42. Moscow, The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”, 200.
- Lokshin, A., 2014, Pomnit' ili zabyt'? Otnoshenie k Kholokostu sovetskogo rezhima i obshchestva [To Remember or to Forget? The Attitude of the Soviet Regime and Society to the Holocaust]. *Pomnit' o proshlom radi budushchego. Evreiskaia identichnost' i kollektivnaya pamiat'* [Remembering the Past for the Future: Jewish Identity and Collective Memory], eds. K.A. Karasova and E.E. Nosenko-Stein, 75–100. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 238.

- Nosenko-Shtein, E. E., 2014, *Komu nuzhen pepel Klaasa? Pamiat' o voine i Kholokoste u rossiyskikh evreev raznykh pokoleniy* [Who Needs Klaas's Ashes? The Memory of War and Holocaust Among Russian Jews of Different Generations]. *Pomnit' o proshlom radi budushchego. Evreiskaia identichnost' i kollektivnaya pamiat'* [Remembering the Past for the Future: Jewish Identity and Collective Memory], eds. K.A. Karasova and E.E. Nosenko-Stein, 133–159. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 238.
- Nosenko-Shtein, E., 2013, “*Peredayte ob etom detiam vashim, a ikh deti – sleduiushchemu rodu*”. *Kul'turnaia pamiat' u rossiyskikh evreev v nashi dni* [‘Pass this on to your children, and their children to the next generation.’ Cultural Memory of Russian Jews Today]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 576.
- Rebrova, I., 2020, *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. Berlin; Boston; Wien, De Gruyter Oldenbourg, 360.
- Remennick, L. 2007, *Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration and Conflict*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 426.
- Smola, K., 2021, *Izobretaia traditsiyu: Sovremennaia russko-evreiskaia literatura* [Inventing Tradition: Contemporary Russian-Jewish Literature]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 472.
- Vedenyapina, D., 2018, *Evreyskaya obshchina kak kliuchevoy faktor v postroenii identichnosti rossiyskimi evreyami pokoleniya 20–40-letnikh* [The Jewish community as a key factor in the construction of identity by Russian Jews of the 20–40-year-old generation]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 3–4 (127), 123–139.
- Veidlinger, J., 2013, *In the Shadow of the Shtetl*. Bloomington & Indianapolis, Ind., Indiana University Press, 424.
- Zakrevskaya, E. A., 2024, *Ustnye rasskazy o spasenii evreev vo vremya Kholokosta: real'nost', fol'klor i mediazaimstvovaniya* [Oral histories of the rescue of Jews during the Holocaust: reality, folklore and media borrowings]. *Shagi / Steps*, 3 (10), 14–35.
- Zelenina, G. S., 2017, “*Gevalt, eto zhe prostye bazarnye lyudi!*”: *sovetskiye evrei na puti ot mestechkovosti k intelligentnosti* [“Gevalt, these are simple market people!”: Soviet Jews on the path from parochialism to intelligence]. *Semiotika povedeniya i literaturnye strategii: Lotmanovskie chteniya – 22* [Semiotics of Behavior and Literature Strategies: Lotman Conference – 22], eds. M. S. Neklyudova and E. P. Shumilova, 322–356. Moscow, Izdatel'stvo RGGU, 429.
- Zeltser, A., 2019, *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Jerusalem, Yad Vashem, 386.